

КЛУБЫ ДЫМА.

«Добивает», — именно этим словом хочется определить то, что сейчас убивает война с городами и деревнями Западной Польши. На охоту иногда «добивают» загражденный антракс; так война «добивает» теперь загражденную ею страну. Казалось, что все селения уже разорены до конца, опустошены, сожжены; что все их жители разбегались; что в край нечего ваять, нечего соорудить, нечего прятаться и грабить. Но все-таки еще какие-то люди жили в своих полуразрушенных домах, ухитрились существовать без хлеба и топлива, в страшной отчужденности от остального мира, упорно цепляясь за обломки своей привычной жизни. Но война вернулась на старые места и опять нашла, что разорать, что жечь, что опустошать. Она «добивает» свою жертву.

Эти мысли приходят ко мне в голову, когда я гляжу на клубы черного дыма, поднимающегося за Альсой. Наше автомобильное отделение; пальмы категорически объявлено, что дальше ехать нельзя. На наш вопрос, откуда дым, нам отбили краской: — Сохачевь.

Да, это горит Сохачевь. Война «добивает» его.

Еще раньше, на шоссе, мы встретились фуру, везящую, с последними бжезскими из Сохачева. Почему они так долго промедлили в обстреливаемом городе? Откуда в последние часы достали фуру и лошадей, когда несколько дней назад все было разобрано, расхвачено по несообразным для города ивнам? Одна из тех несообразностей, которых много на войне. Фура была «битком» набита; лошадей было столько, что едва ли не полтора десятка людей, увозящих с собой какие-то свои вещи, захваченные, видимо, насильем, в полной растерянности: среди узлов и корзин торчали — самовары, пустая кибитка без птиц, что-то из мебели, — то, что попало под руку.

Узнав, что бжезские из Сохачева, мы спросили о положении дым в городе; возница только махнул безнадежно рукой, для вида слеска прихватившись изморенную лошадейку и молча пробраться мимо.

Сохачевь в нескольких верстах от нас. Но пальбы сейчас не слышно. «Как в шахарь, битва отдыхает». Но так теперь едва ли не самые тяжелые минуты. Подводятся первые итоги предрешенного боя; дымится переверзья... Раниенных размещают по вагонам, и опять сегодня Варшава будет принимать незаметных героев, «отдавших кровь свою» за наше общее дело...

Когда я в первый раз попал в Сохачевь еще в начале войны, это был оживленный, хотя маленький и грязный уездный городок. На базарной площади, сплошь окруженной всевозможными магазинчиками, лавками и «собственными мастерскими», шумела толпа евреев, которые все имели вид чрезвычайно занятых дельцов. Малы дивушки, брезгливо обходя мужи, кокетливо приподымали юбку и старались в переломках подражать варшавянкам; все они выгибали улыбающиеся лица. За городом красивый, прочный мост переступал через Бауру, и тутчас за ним начиналась алая вьюхих деревня. Руины старинной крепости живописно вьчались высокой холм над самой рькой.

Потом ко мне случалось пробраться через Сохачевь в разные периоды войны: перед самым наступлением ивдеи на Варшаву, тутчас после их отступления, при вторичном их движении в Вислу, в дни боев у Ловича... Город на мнх глядел сначала пустым, потом разрушенным. Дьлами и красивыми дивушками обрамлялись в зануанных бжезцев, навазавших собою фуры, а потом валяющихся в Варшавь «Швейцарскую долину» и другие благотворительные приюты. Закрывались магазины; бездомными становились улицы и площади, по которым мелькали уже только сьрия шинели наших солдат и офицеров. Наконец, сь каждым разом все новия и новия раны наносила война самому городу, как бы вырывая куски мяса из живого тела.

Красивый мост через Бауру пришлось взорвать. Переправа совершалась . . . , спускаясь к которому надо было по немощному, почти отвешному склону крутого берега. Вьюхия деревня за мостом были срублены: они ивнами обстрьду. Из громадными инами завалили подход к остаткам моста. Рядом дощевь обратились в развалины. Там нависали полуобвалившиеся стьбы; там уныло гляди пустия отверстия окон без рам; там ивны фасады были испарананы снарядами и пулями. Только ружья старинной крепости по-прежнему висели свои причудливые очертания на высоте прибрежного холма. Он пережил много, несколько столетий; ивдл перед собою еще крестовцев; может быть, пережить и великую современную войну.

Помню, возвращаясь из Лодзи, я попытался купить в Сохачевь чего-нибудь съветного. На меня посмотрели, как на человека, который хочет несообразного. Можно ли искать в Сохачевь ветчины, колбасы, каких-либо консервов? Все, что можно есть, было давно съдено. Мне указали однако небольшую лавочку, где среди пустых ящиков печения и пустых банок для конфет оказалось несколько ковриков свежее-непеченного хлеба. Но надо было видеть, как разбегались эти коврики столпившимся в лавкь обывателям (не весь ли «город» пришел сюда, так как в лавкь было несколько десятков человек?). Мне почти советно стало отнимать у них часть этого ржаного хлеба, представлявшего здесь, как кажется, утонченное лакомство. Все же я купил ломтик, так как был голоден; мысли его сь товарищам, катаясь в автомобиле к Варшавь, и этот хабь наводил нас на грустные размышления.

И вот теперь за дьсом встают черно-бьлые клубы дыма. Сохачевь горит, и скоро негдь будет в нем молочь даже и хабь.

тоже пришлось взорвать. Наша артиллерия, занимая господствующую над противоложним, низкими берегами высоты, не двет ивнам навести свои мосты. Ивны употребляют все усилия, чтобы своими тяжелыми орудиями вставили замочить наши батареи, но это им не удается. Тогда ивны идут в бродь, не останавливаясь перед тем, что надо пройти несколько сажень, стоя по грудь в студеской, декабрьской воде, все время под огнем ружейным и пулеметным. За ночь было нам отбито до шестнадцати атак. Баура вздувалась: так ее завалили тела убитых. Цьлыя колонны ивнцев падали, не дойдя и до середины течения. Но на сьбну уничтоженным отрядам находились новие. Не было отмыка, не было покоя; «самый настоящий ад», как сказал один солдат, отравленный сь камнем-то поручением вь Вломи.

— Удивительная энергия! — подтвердил менши на них товарищ, любивший употреблять иностранцы слова. — Фашизм какой-то! Мы их бьем, а они все-таки пруть.

Ивны продолжают добиваться своей «решительной побьты» во чтобы то ни стало». Но их «фашизм» противостоит та спокойная бодрость, то истинное, не сьльное, а сознательное мужество, которыми одушевлена вся наша армия. Она стоит сейчас стьной, загораясь переправу через Бауру...

— Развь у нас позиций мало? — рассуждает тот же солдат, любитель иностранных слов. — Встретим ивнцев там-то и там-то (он назвал места). Вездь ивн придется положить столько же людей. Что же у них остается?

Бодрость этих солдат, только что вышедших вь «самого настоящего ада», поражает меня. Спокойные и смотро на черно-бьлые клубы дыма. Наша сила не в обладании тем или другим городом. Она — в несокрушимой мощи нашей армии. Каждый раз, когда схлослись ближе, дружески разговаривая сь с олдатами, возраствя из думь уверенность вь нашем конечном торжестве. Чу! возобновляется кавенада. Пусть!

Валерий Брюсовь.

Варшава, 5-го декабря.

Хромика.

(По телеграфу и телефону от наших корреспондентов).

Вопрос о пересмотрь Положения о средней школе.

Вь министерство народного просвьщения поступили ходатайства ивкоторых земствь о том, чтобы при пересмотрь Положения о средней школе была установлена такая программа и организация младших ее классов, которая давала бы возможность поступления в них из высших начальных училищ. На дьях по поводу этих ходатайств товарищомь министра В. Т. Шевяковьм послано уведомление помянутым губернаторам для сообщения соответствующим земским учреждениям, что их ходатайства будут приняты министерством народного просвьщения во внимание при пересмотрь Положения о средней школе. Что же касается ходатайств ивкоторых земствь о том, чтобы впердь до реформы средней школы были так или иначе облегчен переход в нее из начальных училищ, то В. Т. Шевяковь указывает, что «министерство лишешо возможности вь настоящее время ввести какой-либо ивмьнения вь дьствующих по сему предмету законоположения, согласно которым вь гимназиях, прогимназиях и реальных училищах принимают дьти, ивюющих познания и возраст, соответствующие темь классамь среднего учебного заведения, вь которые они желают поступить».

Ограничение прав иностранных подданных по привилегиямь.

Какь передают, министерство торговли предположает разрешить вопрос обь ограничении прав подданных воюющих сь Россией державь по привилегиямь на изобретения сьзвующимь образомь: Подданнымь воюющих сь Россией странь вь настоящее время не выдаются привилегии. От ивх также не принимаются ходатайства на получение привилегий. Привилегии таких лиць могут быть отчуждаемы вь пользу государства, общественных организаций и даже частных лиць, если эти привилегии выданы на предметы, ивюющие значение для государственной обороны или вообще государственного значения. Вопрос обь отчуждении привилегий вь окончательной формь разрешается сьветомь министровь. При ивнянии точных данных о подданствь собственника привилегии, она может отчуждаться на основании ивотребывания собственника, а равно по другимь документамь. Вь этих случаях публикуется вь «Правительственномь Вьстельнике» и «Вьстельнике Финансовь» о ивотоящемь отчуждении, причемь собственнику вь течение двухь ив месяцев со дня опубликования предоставляется право доказывать, что онь не состоит вь подданствь воюющей сь Россией страны. Способы и разьбры вознаграждения за отчуждаемыя привилегии, а равно рьшение вопроса о передаче ихь общественнымь учреждениямь или частнымь лицамь устанавливаются особой комиссией изь представителей ивдометвь: торговли, финансовь, юстиции, контроля и трехь членовь оть сьвета торговли и мануфактурь. Вознаграждение за отчуждаемыя привилегии выплачивается ивзательнымь на разьбе вьключения мирного договора.

Созывь районныхь кооперативныхь совьщаний.

Какь передают, главноуправляющийь землеустройствомь и земледельемь А. А. Кривошеинь по соглашению сь министромь финансовь и внутреннимь дьломь выдвинул вопрос о созывь изь ближайшемь будущемь районныхь совьщаний представителей кооперативныхь учреждений. Эта ивбра представляется,